

— Ты... — Чэн Лан не знал, смеяться или плакать, как раз в этот момент у входа раздался шум. Дедушка вернулся с птичьей клеткой, он присмотрелся — внутри сидел чиж. Тогда он встал, стяхнул с рук капли воды и подошёл.

— Опять хвастался птицей перед своими старыми друзьями?

Дедушка улыбался, подняв клетку, он радовался ещё больше, даже две длинные тонкие шрамы на лбу казались устрашающими. Возможно, после дневного испуга, на этот раз Цзян Дун увидел в его выражении лица долю умиротворения.

Дедушка гордо ответил:

— Да, старик Чжан специально сошёл с обеденного стола посмотреть на мою птицу, ещё спросил, что за птица. Я сказал — чиж, смотри, какое оперение, какие лапки и клюв, какие узоры на голове — просто завидки взяли у старого.

— Какой же ты противный! — Бабушка вышла из кухни с блюдом, не забыв бросить на него сердитый взгляд. — У человека только что птица умерла, а ты ещё и дразнишь его, вот доведёшь до больницы — тогда успокоишься.

Дедушка не придавал значения, пронося клетку в комнату, сказал:

— Но я же отдал ему майну, мне самому жалко, похвастаться-то чем плохо? К тому же, это же большая булочка помог мне выбрать, эта птица с первого взгляда очень умная, мне очень нравится, всем надо знать!

Чэн Лан сказал:

— Хватит уже, в твоём возрасте только этим и интересуешься.

Цзян Дун всё это время с удивлением наблюдал, взгляд перебегал между тремя людьми во дворе, ощущение было очень свежим.

Манера общения этих троих не особо щадила лицо друг друга, они постоянно подкалывали, но в глазах Цзян Дуна атмосфера между ними была особенно гармоничной.

— Увидев это, очень захотелось тоже влиться.

— Какая большая булочка! Ужасно звучит, надо звать маленькой звёздочкой! — Бабушка уже снимала фартук на кухне, тут вдруг вспомнила, обернулась к Чэн Лану и Цзян Дуну. — Сяо Лан! Почему ещё не переделся? Быстрее! А то еда остынет, будет невкусно, надо, чтобы маленькая звёздочка попробовал моё мастерство!

Очень кстати живот Цзян Дуна снова заурчал, но, к счастью, он сидел один у умывальника, звук был негромкий, и никто не услышал.

А Чэн Лан с любопытством спросил:

— У дедушки Чжана птица умерла?

— Умерла! — сказал дедушка. — Скончалась от старости, без болезней и несчастий, старик полмесяца горевал.

— Точно, — сказала бабушка, — у старого Чжана же проблемы с сердцем, твой дедушка боялся, что он не выдержит, отдал ему одну из наших майн.

Чэн Лан сказал:

— Как жаль, он же держал её лет четыре-пять, какую отдали?

— Эх, — бабушка недовольно сказала, — ту, что без характера, оставили ту, что буйная, целыми днями ссорятся.

— А что в буйной? Мы с ней друзья, правда, Доудоу...

— Да уж, ты лучше поменьше говори, а то лоб расцарапаешь, забыл, как больно было?

Кулинарное мастерство бабушки и правда было отменным, на три улицы впереди младшей тётки.

Когда четверо сели за стол, на улице уже смеркалось, последний луч света на горизонте тоже вот-вот скроется, температура была всего четыре-пять градусов, но Цзян Дун совсем не чувствовал холода.

Он оглянулся на раскрасневшееся от жары лицо Чэн Лана и подумал, что тот тоже не мёрзнет.

Возвращение блудного сына, двое стариков, хоть и не упускали случая притворно поругать Чэн Лана, в душе были очень рады.

Дверь в главный дом была широко распахнута, ватная занавеска поднята и перекинута на крышу, зацеплена железным крюком. Низкий стол стоял прямо у входа, вокруг него деревянные табуретки, так что можно было и есть, и любоваться видом во дворе. Погода сегодня была хорошая, на небе постепенно проступал тонкий месяц, висящий под углом, в комнате тепло и уютно, зимний ветер приносил прохладу. Возле жидкокристаллического

телевизора позади стояла птичья подставка, на ней сидела серая майна Доудоу, впрочем, особой буйности не проявляла, возможно, она была занята тем, что уставилась на нового чижа, и, не разобравшись с противником, не решалась действовать.

После того как Цзян Дун съел две большие миски риса, бабушка протянула ему ещё миску супа. Он держал тёплую миску в руках, склонив голову, глядел на луну, в голове уже было не очень ясно.

Как же уютно...

— Булочка, налей мне тоже миску супа с клёцками, — вдруг заговорил сосед.

Чэн Лан сидел спиной к двери, место было тесновато, не очень удобно, слева и справа от него сидели Цзян Дун и бабушка, дедушка сидел лицом к двери, у его ног стояла кастрюля с супом.

— Я налью, я налью, — бабушка сделала вид, что хочет взять миску. — Мне тут удобно, маленькой звёздочке пришлось бы обходить.

— Я налью, — Цзян Дун опередил её, взял миску Чэн Лана, встал, налил суп и протянул ему. — Держи, суп для брата.

Чэн Лан замер на две секунды.

— Тьфу, сейчас получишь.

Дедушка рядом засмеялся.

— Ну что, говоришь, старый и слабый, а ещё хочешь побить булочку, даже до его воротника не дотянешься.

— Это ещё как посмотреть, — Чэн Лан уставился на Цзян Дуна.

Перед сном Чэн Лан зашёл в комнату Цзян Дуна, тот уже зевал от усталости, зевал три раза, он всегда соблюдал режим, к определённому времени хотел спать. В итоге, подняв голову и увидев чью-то тень, испугался, уставился.

— Ты зачем пришёл?

— Спать, — естественно ответил Чэн Лан.

Цзян Дун замер на две секунды, осознал его смысл, указал на кровать за спиной.

— Ты хочешь спать здесь?

На лице Чэн Лана отчётливо было написано «а где же ещё», но он подумал и сказал:

— Всего две комнаты, та, где кáн, дедушка с бабушкой спят, в этой мы спим... Может, по очереди? Сегодня ты спишь на кровати, я на диване в наружной комнате, завтра поменяемся, как думаешь?

Цзян Дун...

Помедлив две секунды.

— Ладно, эта кровать большая, давай вместе.

Чэн Лан не удивился его решению, в конце концов, он уже догадался, Цзян Дун — человек, которому очень неудобно причинять неудобства другим, это видно по тому, как долго он колебался, прежде чем согласиться поехать с ним в деревню.

Поэтому он достал из стоящего у двери шкафа два комплекта постельного белья, указал на один розовый.

— Ты этим укрывайся.

Потом указал на другой синий.

— А я этим.

Цзян Дун указал на синий.

— А я не могу этим?

— Можешь, но оно немного толстовато, в деревне холодно, мне как раз подходит. Боюсь, ты ночью сбросишь одеяло и простудишься. Я думаю, эти несколько дней бабушка наготовит много мяса, курицы, утки, рыбы, если простудишься — не сможешь есть, жалко будет.

Цзян Дун больше не колебался, взял тот розовый комплект и положил на кровать, вдруг обернулся и спросил:

— Ты с какой стороны спишь?

Это была большая двуспальная кровать, одна сторона примыкала к стене, обязательно кто-то один должен спать внутри.

Чэн Лан очень просто ответил:

— Внутри, боюсь, ты ночью встанешь и наступишь на меня... Ты во сне не боксируешь?

Цзян Дун рассмеялся.

— Не знаю, с другими не спал.

— Ладно, — Чэн Лан усмехнулся ему. С тех пор как вернулся в деревню, он стал менее сдержанным, и Цзян Дун тоже видел, что он искренне рад, даже слов стало больше. — Сегодня же тебя и уложу.

Он, не зная, смеяться или плакать, указал на Чэн Лана.

— Пошёл вон, выпил суп брата — и не признаёшь?

В двадцати шести годах жизни Чэн Лана, исключая первые годы, когда собственные мысли ещё не сформировались, он не помнил, но эта ночь действительно была первой в его памяти, когда он спал в одной кровати с человеком, которого знал не так давно.

[Скобки: этот человек ещё и вспыльчивый, готовый в любой момент вспылить Цзян Дун.]

Ощущение было довольно странным.

Поэтому спустя долгое время после выключения света Чэн Лан всё ещё не чувствовал сонливости, расслабленно лёг на внутреннюю сторону двуспальной кровати, прищурился, глядя на потолок, на котором нельзя было разобрать узор, и тихо прислушивался к звукам, издаваемым соседом.

Наверное, тоже не спит.

Тут Цзян Дун пошевелился, перевернулся с бока на спину, двое лежали плечом к плечу, между ними расстояние в полруки, хорошо, что кровать большая, не упадёшь.

Чэн Лан через некоторое время повернул голову к нему, но неожиданно столкнулся с глазами Цзян Дуна.

Всё тело вздрогнуло.

— Ты...

— Не сплю, — сказал Цзян Дун.

Его слегка мерцающие глаза в кромешной тьме были особенно яркими, выражение не поддавалось описанию, когда он смотрел на Чэн Лана, тот и так уже появившуюся сонливость совсем потерял.

— Не спится на новой кровати? — спросил Чэн Лан.

Он видел, как губы Цзян Дуна сжались, через некоторое время тот сказал:

— Не то чтобы, может, сегодня немного возбуждён.

Впервые вот так с «взрослым» человеком выбраться за город, приехать в незнакомую, но повсюду кажущуюся свежей деревню, увидеть их неторопливую и насыщенную жизнь.

И не только это, ещё и вместе встречать Новый год.

<http://bllate.org/book/15499/1374891>